

18+

ЭРИК ФОН БАБЕНБЕРГ

Костровые рассказы

Зигфрид фон Бабенберг

Костровые рассказы

«Издательские решения»

фон Бабенберг З.

Костровые рассказы / З. фон Бабенберг — «Издательские решения»,

Повесть, в жанре казачьей прозы о поиске утерянной рукописи, о дружбе станичников. Эссе предлагает читателю анализ гипотез о происхождении адыгов (черкесов): от хаттов и касков до возможных связей с шумерами и енисейскими языками. Вместе эти тексты образуют единый рассказ о памяти, правде и неразрывной связи человека с историей своего народа. Некоторые произведения сборника были опубликованы ранее в книге: «Тайная география»

Содержание

Предисловие к изданию	6
Костровые рассказы	7
Пролог	7
Глава 1. Собиратели	8
Глава 2. Застолье и споры	9
Глава 3. Ночные признания у камина	10
Глава 4. Встреча на рассвете. Адыгэ хабзэ под кубанским небом	11
Однажды в одной станице	12
Глава 6. След в архиве	13
Глава 7. Краснодарский след	14
Глава 8. «Стойкий оловянный казак» возвращается домой	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Костровые рассказы

Зигфрид фон Бабенберг

© Зигфрид фон Бабенберг, 2026

ISBN 978-5-0070-2643-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к изданию

«Книга не терпит суеты, как и правда. Она приходит тогда, когда для неё созревают сердца».

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу. Это — голос станицы Костромской, тот самый, что слышат лишь по ночам старые кирпичные стены да соловьи над Кубанью-рекой. Мы долго шли к этому изданию — почти семьдесят лет. Оно складывалось из писем, обрывков дневников, случайно уцелевших фотографий и, главное, — из людской памяти, которая, как чернозём, хранит и горечь, и щедрость, и надежду.

В этой повести всё — правда. Вымыслом тут служат разве что имена некоторых живых людей, чтобы не смущать их скромность, да дорожные встречи, которые могла придумать только сама жизнь, потому что она выдумщица похлеще любого писателя.

Здесь вы встретите и доктора-краеоведа с неизменной фуражкой и острым словом, и старого шахтёра, который на склоне лет пишет о Сибири как о неразделённой любви, и атамана, чья рука привыкла и к боевой шашке, и к миротворческому пожатию. Увидите адыгскую хранильницу преданий, пришедшую на рассвете с серебряными подвесками и мудростью древнего рода. И конечно — хозяина этого дома, который надел прадедов папах, чтобы выпрямиться во весь рост.

Некоторые спросят: «Зачем ворошить прошлое?» Мы ответим казачьей пословицей: «Кто не помнит корня — засохнет, как былинка в степи». Мы не судить пришли. Мы — понять. И простить там, где прощение не унижает, а возвышает.

Особую благодарность мы приносим Светлане Андреевне — дочери того самого редактора Андрея Нестеренко, которая через полвека привезла нам чемодан с правдой из Нальчика. И Антонине Григорьевне, чей отец оставил покаянную тетрадь — как предупреждение всем, кто ставит свою шкуру выше народной судьбы.

Этот альманах вышел на средства станичного схода. Его печатали не спеша, с душой, пахнувшей типографской краской и домашним хлебом. А значит — он не казённый. Он — свой.

Читай, земляк и путник. Смейся там, где смешно, плачь там, где больно, а дойдёшь до последней страницы — оглянись на свой дом. Может, и твои стены тоже хранят голос, который ждёт своего часа.

Станица Костромская, год от сотворения альманаха первый

Костровые рассказы

Повесть

Пролог

Станица Костромская под Лабинском в этот вечер будто затаила дыхание. Воздух был густым и сладким, как виноградный сок, а над кубанской степью поднималась огромная рыжая луна, похожая на исполинский чебурек из печи. К старому дому из красного кирпича, тому самому, что простоял уже сто двадцать лет, подъезжали одна за другой машины. Дом, конфискованный в лихую годину, словно магнит, притягивал обратно тех, чьи судьбы он хранил в своих стенах.

Глава 1. Собиратели

Хозяин дома, Георгий, вышел на крыльцо, в руках он сжимал две тонкие книжки — те самые, что хотел вручить гостям. Он посмотрел на дорогу. Первым, как и ожидалось, подняв облако пыли, подкатил выдавший виды внедорожник. Из него вышел коренастый мужчина с седой щёткой усов и прищуром бывшего кота — Юрий Юкин, краевед, врач и главный острослов станицы.

— Ну что, кирпич родной, — хриплым баском обратился он к дому, поправляя фуражку. — Держишься? Опять соберёмся? Опять будем ворошить? — Он потрогал шершавый кирпич, словно проверяя пульс. — Интересно, а что предки думают про кондиционер, который мы им в окно врезали? На небесах, поди, только сквозняком проветривали.

— Думают, что хорошо ихним правнукам живётся, — рассмеялся Георгий. — Заходи, помогай накрывать. Жду ещё гостей.

— Платонова? Владимира Стефановича? — фыркнул Юкин, заходя в сени. — Горный инженер, шахтёр! Человек, который «Сибирь — любовь моя, неразделённую» написал. Смотри, чтоб наш кубанский воздух у него ностальгии не обострил.

Разговор прервал звук подъехавшего такси. Из машины, несмотря на почтенные годы, бодро вышел высокий, подтянутый мужчина — Владимир Стефанович Платонов.

— Георгий, родной! — его голос прозвучал глуховато, но ясно. — Шестого июня мне стукнуло девяносто два, а дороги в Вольный, как были, так и остались испытанием на прочность. Здесь мой отец, бывало, сапоги чистил, а теперь, гляжу, плитка модная. Время-то как повернулось...

— Владимир Стефанович, да я рад, что вы вообще доехали! — Георгий вышел навстречу.

Платонов перевёл взгляд на Юкина, который стоял на крыльце. — Юра, здорово! А я уж думал, ты мне новое лекарство от склероза припас, раз уж врач. — Лекарство одно — наша кубанская правда, — парировал Юкин. — Она, в отличие от твоих зарубежных изданий, без перевода действует.

Их трёхголосый спор был внезапно перекрыт рокотом мотора. К дому подъехал УАЗ «буханка». Из кабины вышел мужчина в казачьей форме — Пётр Андреевич Нартов, атаман станицы.

— Георгий, Юрий Семёнович! Владимир Стефанович! — кивнул он. — С совещания сорвался, но на такой сбор самолётом примчался бы. Только, Владимир Стефанович, чур, без подрывной деятельности. Ваша «Хроника» — она у нас тут у каждого в доме лежит. Сильнодействующее чтение.

Дверь в дом с скрипом закрылась. Окна засветились тёплым жёлтым светом. Старый дом, выслушав этот краткий, полный юмора и намёков обмен приветствиями, будто удовлетворённо вздохнул.

А четвёртым, незримым участником, чьё присутствие витало в воздухе, обещая стать главной интригой ночи, была утерянная рукопись отца Георгия. Самое интересное — разговор о главном — только начинался.

Глава 2. Застолье и споры

За длинным дубовым столом, под строгими портретами предков в пышных усах, разговор пошёл, как вода по горной реке — то плавно, то с порогами, а то и с весёлым перекатом.

Георгий разливал по стопкам прозрачную, как слеза, самогонку, пахнущую травой и солнцем. Юкин, отхлебнув и закусив салычем, первым начал закидывать сети.

— Ну что, Владимир Стефанович, ты ж у нас теперь заграничный шолухий! — прищурился он, обращаясь к Платонову. — Пишешь там, в своём Израиле, про Кубань. А запах-то солнца на пшенице помнишь? Настоящий-то, чтоб аж в ноздрях щекотало? А то у вас там, небось, один песок да история пахнет!

Платонов парировал с мудрой, чуть усталой улыбкой, крутя в руках стопку. — На расстоянии, Юра, лучше видится, — сказал он мягко. — Как узор на ковре. Ты в нём сидишь, а я на него сверху смотрю. И все дырочки, и все крестики — они как на ладони. А пахнет тут у вас, между прочим, не только пшеницей, но и моей юностью. И ещё — этим самым добрым самогоном. За это — здорово!

— Ой, ли?! — не унимался Юкин. — Юность? Так ты, Владимир, про неё в своей «неразделённой любви» к Сибири расписал, а про нашу-то, кубанскую, забыл? Или память твоя, как старый цеп, только большие колоски хватает, а мелочь роняет?

Георгий попытался смягчить ситуацию, подливая всем по второй. — Мужики, да вы не ссорьтесь. Мы же собрались, как родные. Я, вот, к примеру, — он достал с телефона распечатку, — свою родословную разузнал. ДНК-тест сделал. Оказалось, у меня, адыга, предки-то, гляньте, самоеды были! Ну как этот сноп к черкесам занесло — ума не приложу!

Юкин фыркнул так, что чуть не поперхнулся. — Книжки писать надо, Жора, а не в пробирки плевать! — провозгласил он, стуча кулаком по столу. — Вот по этим вот портретам, — он махнул рукой на стену, — нужно историю сверять! А твои самоедцы — это, прости господи, как пристроить к хате сарай с евроремонтом — несурзано!

Но Платонов, к удивлению всех, заинтересовался. — Самоеды... — задумчиво протянул он. — Как далёкий ветер. Это ж значит, наши предки, Юра, были ещё теми путешественниками! Не сидели на попе ровно, как некоторые, а шастали по свету, искали, где земля слаще. Может, и твои где-нибудь в Норильске оленей пасли, да к нам, на юг, сбежали от морозов! Ха-ха!

В этот момент атаман Нартов, до этого молча наблюдавший за дискуссией, вставил своё веское слово, поправляя казачью фуражку: — А я вот что скажу! Все вы — писатели, летописцы. А я — человек практичный. Вот эта вся ваша генетика — она, может, и интересна, но от налогов не освобождает. — Он подмигнул. — А насчёт путешественников — так это ж наша казачья доля! Кто Ермака на Восток отправлял? Кто Кубань обустроивал? Так что, Жора, твои самоедцы, гляди, просто с запорожцами породнились по дороге! Бывало и не такое!

Все громко рассмеялись. Юкин, смягчённый юмором атамана, поднял стопку. — Ну, коль атаман сказал «бывало», значит, так тому и быть! За то, чтобы наши истории не терялись, как Жорина рукопись отца в издательстве! Чтобы мы их сами и находили!

— За находку! — подхватили все, и звон стопок слился со смехом, наполнив старый дом тем самым живым духом, ради которого они и собрались.

Глава 3. Ночные признания у камина

Когда рыжая луна поднялась над станицей в самую макушку неба, гости, подобревшие и распаренные, переместились в гостиную, где уже потрескивал в камине дубовый сушняк. Воздух пахнул дымком, яблочной пастилой и тёплым варевом разговоров.

Георгий, глядя на огонь, вздохнул так, что все сразу поняли — дело пахнет керосином. — А ведь отец мой, — начал он, — тоже книгу писал. Рукопись. Про станицу, про наш род. Увёз её перед войной в Краснодар, в издательство «Родная Кубань»... И всё. Как в воду канула. Пропала там, в ихних канцеляриях.

Юкин хмуро ковырял кочергой угольки. — «Родная Кубань»? — фыркнул он. — Я ж их знаю, как свои пять пальцев! Это ж не издательство, а чёрная дыра! У них не рукописи теряются, а целые эшелоны с мыслями! Бюрократы, бумагомараки! У них, наверное, есть специальный отдел по благополучному запотеванию талантов!

Но тут Платонов, который до этого сидел, задремав, в кресле, внезапно оживился. Он даже очки на нос водрузил. — Стоп-стоп-стоп, хлопцы! Лови мысль! — он щёлкнул пальцами. — А я помню, лет тридцать назад, ко мне, тогда ещё молодому писателю, приполз такой редакторишка из «Родной Кубани», пивной животик уже нажил... Просил совета по мемуарам одного казака. Фамилию твою, Жора, будь я неладный, слышал! Говорил, «такой уникальный материал, пропадёт же!». А потом и правда пропал — сам редактор куда-то испарился!

Эта ниточка памяти стала крючком, на который подцепили всеобщее внимание.

— Испарился? — подскочил Юкин. — Так он, голубчик, не испарился, а его, небось, за излишнюю принципиальность в другое место пересадили! Надо рыть! — И он, не долго думая, достал свой допотопный, но неубиваемый телефон. — Я сейчас тёте Марине из архива позвоню! Она у нас вся станица на слуху, как кукуруза на стебле! Она этих редакторов, как овец на стрижке, помнит!

Пока Юкин, отошедши к окну, орал в трубку: «Марин, солнышко, ты ж у нас краеведческая бомба! Вспоминай, кто в „Родной Кубани“ в девяностых по казачьим мемуарам шлялся?», — Платонов полез в свой потрёпанный саквояж.

— А у меня, — сказал он таинственно, — тут один старый блокнотик есть. Я в него всякие встречи записывал. Может, и фамилию того редактора зацепим. Только почерк у меня тогда был, как у курицы лапой... Надеюсь, глаза ещё те самые буквы разглядят.

Атаман Нартов, наблюдая за этой оживлённой вознёй, качал головой и ухмылялся. — Ничего не меняется! Ищут казачью рукопись, как в девятнадцатом веке беглого солдата искали! Только вместо коней — телефоны, вместо шашек — кочерга. — Он подлил всем в стопки. — Расслабьтесь, хлопцы! Рукопись она, как правда, своё время найдёт. А пока — выпьем за её скорейшее возвращение из бюрокративного плена!

Ночью вся станица спала глухим сном. И только в одном окне старого кирпичного дома до самого рассвета горел свет. Три писателя — яростный ортодокс, мудрый летописец и хозяин-хранитель — как детективы, восстанавливали цепь событий. Они пытались вернуть голос четвёртому — отцу Георгия, чьи слова где-то там, в краснодарских архивах, ждали своего часа. А за стенами дома пахло полыньёй и тёплой землёй, будто сама Кубань помогала им в этом нелёгком деле.

Глава 4. Встреча на рассвете. Адыгэ хабзэ под кубанским небом

На рассвете, когда степь окутал розовый туман, а первый луч солнца упал на конёк старого дома, во двор бесшумно вошла высокая статная женщина. Её движения были полны неизъяснимого достоинства — лъапсэ. На ней было строгое черкесское платье, а на груди сверкали старинные серебряные подвески — гуырыпхъуэбзэ. Это была Ляна, та самая связь из адыгской автономии, хранительница преданий, жагъуэ.

Георгий вышел навстречу, и между ними прошел безмолвный диалог жестов — легкое прикосновение к груди, встреча взглядов. Так приветствовали друг друга уважаемые люди, соблюдая адыгэ хабзэ.

— Усэдакхъуэ шлум, Георгий, — тихо сказала она. — Доброе утро. Мне сказали, вы ищите корни. Дерево без корней — щепка на ветру. Я принесла кое-что из нашего общего сада.

Она развернула потёртый кожаный альбом. На пожелтевших снимках оживала история. И вот на одном из них, сделанном у этого самого дома, стояли молодой парень в черкеске с камой — кинжалом на поясе, и девушка-казачка в платочке. Они смотрели друг на друга с такой нежностью, что казалось, до сих пор слышно их сердца.

— Это твой пра-прадед, Джамбулат, и его жена, Мария, — пояснила Ляна. — Их история — как сказка о Сатаней и пастухе. Любовь сильнее любых запретов. Сильнее, чем тхъэм шлум — воля князя. Сильнее, чем война.

Юкин, разглядывая фото, покачал головой: — Ну, надо же... Казак и черкешенка. По тем временам — как в огонь шагнуть. А поглядите, какие счастливые!

— У нас говорят: «Шыпхъу щыпхъум хэлыагъуэщ, шыбзийм щэбзийм хэлыагъуэщ», — улыбнулась Ляна. — «Конь коня находит, джигит джигита находит». Они нашли друг друга. Не кровь определяет человека, а его намыс — честь.

Платонов, внимательно слушая, кивал. — Вот она, настоящая хроника. Не в архивах, а в сердцах. Это сильнее любого романа.

Ляна повернулась к Георгию: — Твоя гаплогруппа — как старый пщынатх — узор на ковре. Узор может прийти с севера, но ткань — адыгская. Ты — наш. Ты — часть нашего лыхъуж — рода. И твой дом — это мост. Как и тогда.

Она взяла с подноса три пирожка — лэкхумэщ, и, по обычаю, поднесла гостям. Это был жест гостеприимства, хьэщлэпс, древний, как сами горы.

Загадка гаплогруппы оставалась, но история обрела плоть и дух. Это была не генетика, а любовь, ныбжьыгъуэ, что стирала границы тогда и объединяла их сейчас, в это тихое рассветное утро, под аккомпанемент просыпающейся станицы.

Краткий словарь адыгских терминов:

Адыгэ хабзэ — свод морально-этических правил адыгов (черкесский этикет).

Лъапсэ — благородство, достоинство.

Гуырыпхъуэбзэ — нагрудные подвески-застёжки на женском костюме.

Жагъуэ — путешественник, гость; здесь — в значении «посланник».

Кама — традиционный кавказский кинжал.

Тхъэм шлум — букв. «воля Бога» или воля высшего правителя.

Намыс — честь, совесть.

Пщынатх — орнамент, узор.

Лыхъуж — род, фамилия.

Лэкхумэщ — треугольные пирожки с начинкой.

Хьэщлэпс — гостеприимство.

Ныбжьыгъуэ — любовь.

Однажды в одной станице

Гости разъехались, оставив после себя звон стопок, густой дым дубовых полешек в камине и тёплый след общих воспоминаний. Юкин, уже сидя за рулём, высунулся в окошко и крикнул: «Слушай, Жора, а насчёт рукописи не кисни! Я тётке Марине уже на уши встал! Она в архиве как шершень в варенье — всё про всех знает!». Платонов уезжал молча, крепко сжимая в руке блокнот с зацепками, а атаман Нартов пообещал «надавить по административной линии».

Георгий остался один на один с домом. Тишина, наступившая после шумного вечера, была густой и звонкой, как лёд на зимней кубанской ерике. Он вышел во двор и вдохнул воздух, пахнувший чабрецом, полынью и самой историей — многослойной, как здешний чернозём.

И тут его осенило. «Заслуженный писатель адыга» — это не бумажка из автономии, не звание. Это состояние души. Это ответственность за память, которую ему, как эстафету, передали все собравшиеся сегодня под этой крышей. И за ту память, что до сих пор лежит где-то в краснодарском архиве, в виде отцовской рукописи.

Он был прав: на одну станицу и правда многовато писателей. Но именно это и делало её уникальной. Юкин — её бунтующее сердце, её острый язык. Платонов — её мудрые глаза, смотрящие на всё со стороны. Атаман Нартов — её крепкая хозяйская рука. А он, Георгий, с его адыгской кровью и самоедской гаплогруппой, — её мост. Мост между веками, культурами и судьбами.

Каждый из них нёс своё слово, свою правду. А вместе они складывались в одну большую, шершавую, пахнущую степью и дымом, повесть под названием «Родина». Повесть, которую ещё предстояло дописать.

Георгий посмотрел на тёмный силуэт дома против просыпающегося неба. — Ну что, старик? — тихо сказал он. — Выдержим ещё одну главу?

Из открытого окна кухни донёсся запах свежего хлеба. Жизнь продолжалась.

Глава 6. След в архиве

Утро началось не с пения птиц, а с оглушительного трезвона мобильного телефона. Георгий, не выспавшийся, с головой, тяжёлой от воспоминаний, схватил трубку.

— Жора! Проснись, соня степная! — в трубке бушевал голос Юкина. — Тётя Марина отработала хлеб-соль! Нашла!

Георгий мгновенно проснулся. — Рукопись? — выдохнул он.

— Нет, пока не она, — Юкин сделал драматическую паузу. — Но нашёл след того редактора, который к Платонову приходил! Фамилия — Нестеренко. Андрей Нестеренко. И дело не в рукописи твоего отца, а в целом деле, которое он вёл! Называлось оно «Стойкий оловянный казак» — сборник воспоминаний станичников о раскулачивании. Видимо, материал оказался слишком «колючим» для издательства. Дело зарубили, а Нестеренко вскоре уволили «по собственному желанию». Исчез, будто сквозь землю провалился.

Сердце Георгия ёкнуло. «Стойкий оловянный казак»... Это же про их дом! Про их семью!

— И где теперь это дело? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— А вот тут закавыка, — в голосе Юкина послышалось раздражение. — По документам, его должны были отправить в краевой архив. Но тётя Марина говорит, что в описи его нет. Либо потеряли, либо... умыкнули.

В тот же день Георгий позвонил Платонову. Тот, выслушав, долго молчал. — Нестеренко... — наконец сказал он. — Да, помню. Горящий такой парень. Глаза горели, когда говорил о правде. Жаль... А знаешь, что мне подсказывает моя старческая память? Он был из тех, кто не сдаётся. Если дело было важным, он мог сделать неучтённую копию. На свой страх и риск. Такие люди не исчезают бесследно. Они просто уходят в тень.

Вечером, разбирая старые семейные бумаги в поисках хоть какой-то зацепки, Георгий наткнулся на конверт с пожелтевшими фотографиями. Среди них был снимок, на котором его отец, молодой, стоит рядом с незнакомым мужчиной в очках. На обороте почерком отца было выведено: «С А.Н., Краснодар, 1958. Обсуждали проект».

А. Н. Андрей Нестеренко?

Георгий взял лупу. Они стояли на фоне какого-то здания. Не издательства. Он присмотрелся. Это была старая библиотека. Та самая, что находилась в центре Краснодара, в полуразрушенном доме с арочными окнами. Здание, которое много лет стояло на реконструкции.

И тут его осенило. У Нестеренка мог не быть дома, где хранить опасные бумаги. Но у него был доступ в библиотеку. Старые библиотекари — те ещё конспираторы. Они могли помочь.

Он вышел во двор, к колодцу-журавлю. Опустил ведро в тёмную прохладную глубину, поднял его, полный чистой, ледяной воды. Умылся. Вода стекала по лицу, смывая усталость и сомнения.

Он знал, что делать дальше. Завтра он едет в Краснодар. Не в архив. В библиотеку. По следу «Стойкого оловянного казака».

А ночью ему приснился отец. Он не говорил ничего. Просто сидел на ступеньках крыльца и улыбался. А над его головой стоял тот самый незнакомец в очках, Андрей Нестеренко, и показывал пальцем на карту звёздного неба, которая странным образом напоминала план старой библиотеки.

Глава 7. Краснодарский след

Дорога в Краснодар на рассвете казалась ему кротовым тоннелем между прошлым и настоящим. Степь, подсвеченная алым краем неба, уступала место спящим городам и сёлам. Георгий вел машину, почти не отрываясь от асфальта, в голове крутилась одна мысль: «Библиотека. Дом с арочными окнами».

Он припарковался у старого, выдавшего виды здания, действительно украшенного высокими арками. Реконструкция, похоже, затянулась на десятилетия. У входа его встретила немолодая женщина с умными, внимательными глазами за толстыми стёклами очков — главный библиотекарь, Валентина Семёновна. Юкин, видимо, уже успел ей позвонить.

— Георгий? Жора? — строго спросила она, окидывая его оценивающим взглядом. — Юрий Семёнович предупредил. Ищите дело Нестеренко? «Стойкий оловянный казак»? — Да, — кивнул Георгий. — Вы что-то знаете?

Валентина Семёновна хмыкнула, проводя его в полутемное книгохранилище, пахнущее пылью и старой бумагой. — В 90-е много чего терялось и находилось. Андрей Нестеренко... Он часто здесь работал. Последнее время — тайком. Говорил, что в официальном архиве его «детьми лейтенанта Шмидта» нашли бы. — Она остановилась у старого металлического шкафа с табличкой «Краеведение. Неопубликованные материалы». — Он оставил здесь одну папку. Наказал хранить, пока не «проветрится». Кажется, «проветрилось».

Дрожащей рукой Георгий взял из её рук толстую картонную папку. На ней простым карандашом было выведено: «Нестеренко. Материалы по истории ст. Костромской. 1957—58 гг.».

Он развязал бечевку и открыл её. Внутри лежала не машинопись, а стопка пожелтевших листов, исписанных убористым почерком. Это был дневник. Дневник Андрея Нестеренко. А между страницами, как закладки, лежали несколько листов, написанных другим, знакомым почерком. Почерком его отца.

Выдержка из дневника Нестеренко: «...Сегодня встретился с Иваном Георгиевичем. Он принес новые главы. Описывает день, когда их дом ставили на учёт как „кулацкий“. Его отец, его дед... Как они выходили всем родом на покос, как пели песни. Это не политика. Это поэма о труде и воле. Рукопись Ивана — гвоздь программы. Но в издательстве боятся. Сказали: „Не время“. А когда будет время?...»

На полях — пометка отца Георгия: «Андрей, спасибо за веру. Но, боюсь, наш „Оловянный казак“ так и останется в столе. Спасай хоть эти листы...»

Георгий не мог оторваться. Он читал протоколы собраний, воспоминания стариков, которые Нестеренко тайком записывал. Это была не сухая хроника, а живой голос его станицы, голос его отца. Рукописи как единого целого не было, но были её фрагменты, бережно сохранённые редактором-подпольщиком.

Валентина Семёновна молча поднесла ему стакан воды. — Он очень переживал, что не смог спасти всё, — тихо сказала она. — Уволили его, он уехал в Среднюю Азию. Больше я о нём не слышала. Но главное — он спас то, что смог.

Георгий вышел из библиотеки с тяжёлой папкой в руках. Солнце уже стояло высоко. Он сел в машину и позвонил Юкину.

— Юра... Я нашёл. Не всё, но... нашёл след. — Ну?! — взревел в трубке Юкин. — Говори! — Это дневник Нестеренко. И отцовские записи. Они хотели издать книгу «Стойкий оловянный казак»... о раскулачивании. Но её похоронили.

На другом конце провода наступила тишина. — «Оловянный казак»... — наконец проговорил Юкин сдавленным голосом. — Чтоб им пусто было... Ладно. Сиди там, не двигайся.

Сейчас позвоню Платонову и атаману. Эту историю надо поднять. Вези сюда, этот... клад. Мы его всем миром прочитаем.

Георгий положил папку на соседнее сиденье и посмотрел на неё. Это была не просто стопка бумаг. Это была бомба, тихо пролежавшая в архиве больше полувека. И сейчас, наконец, пришло её время.

Он завёл двигатель и тронулся в обратный путь. Впереди была станица, друзья и долгая работа памяти. Работа, которая только начиналась.

Глава 8. «Стойкий оловянный казак» возвращается домой

Машина Георгия пылила по станичной улице, когда он увидел знакомую картину: перед его домом, словно на посту, стояли Юкин, засунув руки в карманы брюк, и атаман Нартов, небрежно прислонившись к своему УАЗику.

Не успел Георгий заглушить двигатель, как Юкин уже распахнул дверь. — Ну, давай, показывай сокровище! — потребовал он, почти выхватывая из рук Георгия картонную папку. — И чтобы всё по порядку, с начала!

Атаман Нартов, соблюдая субординацию, лишь молча протянул руку для крепкого рукопожатия, но по его глазам было видно — любопытство заедает не меньше.

Войдя в дом, они расселись за тем же дубовым столом. Папка лежала между ними, как сакральный артефакт. Юкин, надев очки, с невероятной осторожностью, словно разминировав бомбу, начал перелистывать пожелтевшие листы.

— Чёрт возьми... — прошептал он, читая запись Нестеренко о дне, когда дом Ивана Георгиевича ставили на учёт. — Так и есть. Всё сходится. Вот протокол того самого собрания... Председатель колхоза «Красный партизан» Гаврилов... Подлец, прости Господи. Это ж мой дед по материнской линии оказывается... — Юкин снял очки и с силой протёр глаза. — Вот тебе и родственничек. Историю твоей семьи рушил.

Воцарилась тяжёлая пауза. Атаман Нартов первым нарушил молчание. — История — она, как река. В ней есть и чистая вода, и грязь. Не нам судить мёртвых, Юрий Семёнович. Нам понять надо. И память сохранить. Чтобы не повторялось. — Знаю я... — хрипло ответил Юкин. — Но горько. Как полынь на языке.

В этот момент зазвонил телефон Георгия. На экране светилось имя «Владимир Стефанович Платонов». — Георгий, я слышал новости от Юрия! — голос старика звучал взволнованно. — Вы нашли дневник Нестеренко? Читайте вслух, я тоже хочу слышать!

Георгий положил телефон на стол, включив громкую связь. И снова, как несколько дней назад, в доме собрались четверо. Теперь уже виртуально. Георгий начал читать. Сначала неуверенно, потом всё увереннее. Он читал записи Нестеренко, вкрапления заметок своего отца. Голоса из прошлого оживали, наполняя комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.